

КРИСТИНА СОЛЬ

ЗЛОДЕЙКА ИДЁТ ПЕРВОЙ

ОСУЖДЁННАЯ. ОБВИНЁННАЯ.
НО ЕДИНСТВЕННАЯ, КТО МОЖЕТ
ПРЕДОТВРАТИТЬ КАТАСТРОФУ

Кристина Соль

Злодейка идёт первой

<https://litres.ru/74324419>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сапёр всегда идёт первым. Даже если теперь он — приговорённая к смерти злодейка.

Специалист по обезвреживанию взрывных устройств Арина Бессонова погибает при обрушении тоннеля и приходит в себя на эшафоте — в теле Серис Арден, опальной королевской артефакторки по прозвищу Чёрный Фитиль. Серис обвиняют в измене, гибели двенадцати стражей и убийстве брата командора Кайра Ровена. До казни остаются считанные секунды.

Но древняя Цепь Семи, защищающая империю, начинает разрушаться. Остановить её может лишь женщина, которую весь город требует казнить. Теперь Арине предстоит обезвреживать магические ловушки, искать настоящего диверсанта и идти от одной гибнущей крепости к другой рядом с Кайром — человеком, который не доверяет ни одному её слову.

Арина не помнит преступлений Серис. Зато кто-то продолжает использовать её личные печати и явно знает, что Чёрный Фитиль вернулся.

В прежней жизни ошибка стоила Арине жизни. В новой цена ошибки — целая империя.

Содержание

Глава 1. Казнь откладывается	4
Глава 2. Преступница в отряде	22
Глава 3. Работа для злодейки	42
Глава 4. Если ты это читаешь	59
Глава 5. Ущелье спящих мин	77
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Злодейка идёт первой

Глава 1. Казнь откладывается

— Последнее слово, леди Серис?

С последними словами у меня сегодня складывалось плохо.

В прошлый раз я сказала: «Выводи людей». Через несколько секунд на меня рухнул тоннель. Теперь я стояла на коленях перед плахой, со связанными за спиной руками, и мужчина в белой мантии предлагал попробовать ещё раз.

День явно хотел добиться от меня более содержательного ответа.

Я подняла голову.

Перед эшафотом теснилась толпа. Сотни лиц, мокрые крыши, серое утреннее небо. Над площадью висел такой гул, что отдельные слова сливались. Одно толпа произносила достаточно дружно:

— Смерть Чёрному Фитилю!

Хотелось бы узнать, кто такой Чёрный Фитиль и почему казнить собираются меня. Однако мужчина в мантии ждал, а справа от него палач проверял большим пальцем лезвие топора.

Не самый располагающий момент для знакомства.

— Как меня зовут? — спросила я.

Жрец отступил.

Крики на площади на миг стихли, затем вернулись с удвоенной силой. Палач посмотрел на распорядителя у лестницы. Тот дёрнул плечом, разрешая продолжать.

— Леди Серис Арден, — произнёс жрец. — Вы желаете отречься от своего имени перед смертью?

— Я желаю понять, почему лежу под топором.

— На коленях, — поправил палач.

Голос у него оказался буднично спокойным. Работа привычная, утро прохладное, клиентка задаёт лишние вопросы. Обычная служебная среда.

Я перевела взгляд на его руки. Мозоли, короткие ногти, тёмное пятно на манжете. Топор он держал уверенно. Расстояние до моей шеи — меньше шага. Деревянная скоба охватывала плечи и не позволяла резко отклониться. Верёвка на запястьях затянута крепко, но пальцы двигались.

Вывод: если никто не вмешается, жить мне осталось около минуты.

Паника поднялась к горлу. Я позволила себе один вдох, чтобы признать её. Потом посмотрела на площадь ещё раз.

Останавливаться на страхе во время работы нельзя. Страх сообщает об угрозе. Дальше нужны действия.

Только подходящих действий я пока не видела.

За несколько минут до первой смерти я тоже стояла на коленях.

Технический тоннель под строящимся складским комплексом затопило после ночного ливня. Вода доходила до щиколоток, аварийные лампы мигали, бетон под ладонью мелко дрожал. Рабочие нашли повреждённый промышленный заряд там, где его не должно было быть, и решили сначала рассмотреть поближе. Любопытство вообще регулярно обеспечивает нашу службу работой.

Когда приехала группа, двоих уже пришлось вытаскивать из тоннеля силой.

Три года назад я поверила начальнику объекта, который уверял, что опасный этаж пуст. Он торопился вернуть рабочих к смене и забыл упомянуть электрика в дальнем помещении. Мы нашли Лёву через сорок минут.

Он был младше меня на четыре года, носил в нагрудном кармане фотографию дочери и собирался летом достроить дачу. После его похорон начальник объекта сказал комиссии, что не понял вопроса об эвакуации. Суд принял во внимание стресс и отсутствие умысла. Я приняла во внимание только закрытый гроб.

С тех пор я пересчитывала людей сама.

— Кто остаётся внизу? — спросила я у мастера.

— Никого. Все вышли.

— Мне нужны фамилии.

Он начал перечислять, сбился на пятом и посмотрел на помощника. Помощник вспомнил рабочего у дренажной решётки. За ним отправили спасателя. Потом нашёлся прораб,

вернувшийся за планшетом. Когда наверху наконец совпали журнал, фамилии и количество касок, прошло девять минут.

Девять минут рядом с повреждённым зарядом — слишком долго. Девять минут, способные сохранить две жизни, — необходимый расход времени.

— Все наверх, — приказала я. — Нижний участок закрыть. Никого не пускать.

Старший смены Назаров остался у поворота. Он работал со мной шестой год и по выражению моего лица понимал больше, чем некоторые по полному докладу.

— Арина, опоры пошли, — сказал он.

Я слышала. Где-то за стеной лопался бетон. Угроза была уже не одна: повреждённое устройство, вода, проводка, потерявшие устойчивость конструкции. Любое движение могло изменить всю картину.

Мне удалось локализовать опасный участок и поставить временную защиту. Этого хватало, чтобы дожидаться специальной группы. Почти хватало.

С потолка посыпалась крошка.

— Выводи людей, — сказала я Назарову.

— Вместе.

— Сейчас.

Он выругался, но подчинился. Последнего рабочего ещё не успели поднять по лестнице. Я осталась на несколько секунд, чтобы убедиться: опасная зона закрыта и никто не рвнёт назад за забытым телефоном или дорогим инструмен-

том. Люди иногда удивительно старательно помогают собственной смерти.

Грохот пришёл не со стороны заряда.

Подломилась опора.

Я увидела, как Назаров обернулся на лестнице, и успела крикнуть ему, чтобы шёл выше. Потом потолок опустился сразу целым пластом.

Боли почти не было. Сначала удар, после него темнота.

Никакого света, голосов умерших родственников и итогового собеседования. Если высшие силы оформляли переход, отдел кадров у них работал молча.

А затем я очнулась на эшафоте.

Распорядитель поднялся по ступеням и развернул свиток.

Он был худ, сутул и старательно не смотрел в мою сторону.

— Серис Арден, бывшая королевская артефакторка, лишённая титула и права рода, приговорена Высшим судом к смерти за измену короне, умышленное разрушение Серебряной лаборатории, гибель двенадцати стражей, убийство лорда Арена Ровена и попытку нарушить Цепь Семи.

Каждое обвинение толпа встречала новым рёвом.

Леди Серис прожила насыщенную жизнь. Жаль, поделиться воспоминаниями со следующей хозяйкой тела она не потрудилась.

Я попробовала восстановить последние ощущения после

пробуждения. Холодная доска под коленями. Боль в затёкших плечах. Запах мокрого дерева и дыма. Чужой голос, спросивший о последнем слове.

Тело тоже было чужим. Я поняла это, когда попыталась убрать с лица волосы. Мои всегда заканчивались чуть ниже ушей. Эти падали на грудь тяжёлой чёрной прядью. Кисти были уже, пальцы — длиннее. На левом запястье под верёвкой темнели следы старых ожогов. Возраст определить трудно, но этой женщине явно было меньше моих тридцати одного.

Проверить отражение предлагало только лезвие топора. На полированной стали мелькнуло бледное лицо с тёмными глазами и рассечённой нижней губой.

Красавица. Государственная преступница. Предположительно мёртвая.

Теперь хотя бы понятно, почему никто не спешил спасать. — Приговор утверждён императором и приводится в исполнение сегодня, — закончил распорядитель. — Осуждённой предоставлена последняя возможность признать вину.

Жрец снова повернулся ко мне.

— Вы раскаиваетесь, леди Серис?

Сказать правду? «Извините, ваша преступница куда-то вышла, вместо неё инженер из аварийно-спасательной службы».

В лучшем случае казнь задержат ради осмотра лекарем. В худшем палач решит, что безумие не входит в перечень

уважительных причин.

— Я не помню ни одного из этих преступлений.

Распорядитель впервые посмотрел мне в лицо.

— Суд предупреждали, что вы можете притвориться лишённой памяти.

Подготовленная была женщина. Даже отсутствие предупредила.

— Тогда зачем спрашиваете?

По толпе пробежал смех. Недобрый, но уже не такой дружный. Жрец поджал губы.

Палач положил ладонь мне между лопаток и наклонил к выемке в колоде.

Дерево пахло железом. Я не стала думать, сколько людей оставили на нём этот запах.

Снизу, рядом с лестницей, стоял мальчишка в зелёном камзоле. Наверное, помощник распорядителя: держал футляр для свитка обеими руками и старался выглядеть старше своих пятнадцати. Его лицо побелело. Он смотрел на мою шею и часто сглатывал.

— Не смотри, — сказала я.

Мальчишка вздрогнул.

— Осуждённой запрещено обращаться к служителям суда, — сообщил распорядитель.

— Тогда сами ему скажите.

Палач сильнее надавил мне на спину.

Площадь затихала. Люди вытягивали шеи. Кто-то поднял

ребёнка на плечи. Удивительная традиция: привести детей посмотреть, как государство отделяет женщине голову, а потом долго объяснять, почему им снятся кошмары.

Я закрыла глаза и увидела свет.

Тонкие голубоватые линии проходили под досками эшафота, уходили вниз по опорам и тянулись через площадь. Они проступали сквозь дерево и камень, хотя глаза оставались закрыты. По линиям двигались слабые золотые искры.

Стоило открыть глаза — свет исчезал. Когда я закрыла их снова, линии вернулись.

Галлюцинация имела структуру. Главный контур шёл от западной части города, разделялся под площадью на три ветви и сходил у высокой башни за спинами зрителей. Искры двигались быстрее. Цвет постепенно менялся с золотого на белый.

Я не знала, что передо мной. Зато слишком хорошо знала вид системы, в которой энергия поступает быстрее, чем успевает уходить.

— Уберите людей от башни, — сказала я.

Палач замер.

— Молчать.

— Там перегрузка.

Распорядитель раздражённо махнул рукой.

— Исполняйте.

Топор поднялся.

Белый свет под площадью рванулся к западной башне.

— Ложитесь! — закричала я.

Палач начал удар.

Город взорвался.

Сначала вспыхнула западная башня. Каменная кладка на миг стала прозрачной. Внутри неё проступила ослепительная сетка, затем верхний ярус разлетелся. Удар прошёл по площади, сорвал полотнища с домов и сбил людей с ног. Эшафот качнулся.

Топор ударил рядом с моей головой. Лезвие вошло в колоду и застряло. Палача отбросило на ограждение. Жрец упал, распорядитель выпустил свиток.

Деревянная скоба на плечах треснула, но удержалась. Я дёрнулась, освобождая левую руку. Верёвка содрала кожу с запястья. Боль помогла сосредоточиться.

Над площадью летели камни.

— От башни! На землю! — крикнула я.

Большинство и без команды уже падало. Остальные бросились к узким улицам, давя тех, кто оказался впереди. Мальчишка в зелёном камзоле стоял у лестницы, закрыв голову футляром. Прямо над ним накренилась каменная фигура с фасада соседнего здания.

Я рванула скобу ещё раз. Дерево поддалось. Правая рука осталась связана коротким концом верёвки, но этого хватило, чтобы добраться до края помоста.

— Сюда! — крикнула я мальчишке.

Он поднял лицо.

— Ползи под эшафот!

До него дошло. Он бросился к лестнице и нырнул между опорами. Каменная фигура рухнула туда, где он только что стоял. Обломки пробили край помоста. Доски под моими коленями просели.

Палач пришёл в себя и попытался подняться. Одна нога оказалась зажата между досками.

— Не двигайся, — сказала я.

— Я собирался отрубить вам голову.

— Поэтому я ещё подумаю, с какой стороны вытаскивать.

Он уставился на меня, затем коротко хохотнул. Нервная реакция. Вполне нормальная.

Второго удара не последовало. Вместо него откуда-то с запада донёсся низкий протяжный звук. Голубые линии снова возникли перед глазами уже без моего желания. Теперь они пульсировали под всей площадью, и две ветви продолжали быстро светлеть.

Первый взрыв не снял перегрузку.

— Всем уйти с площади! — закричала я. — Здесь может повториться!

Стражники метались, ожидая приказа. Один наконец подхватил жреца. Другой схватил распорядителя за ворот и потащил к лестнице.

Я дёрнула доску, зажавшую ногу палача. Одной рукой не хватало силы.

— Освободите меня.

Он посмотрел на топор, торчавший в колоде.

— Быстрее. Решите вопрос с моей шеей после эвакуации.

Палач вытащил из-за пояса короткий нож и перерезал остаток верёвки на моём запястье. Вдвоём мы подняли доску. Он выдернул ногу, поморщился, но встал.

— Под эшафотом мальчик.

Палач кивнул и спустился первым.

Я оглянулась на запад. Над крышами поднимался столб серебристого дыма. Внутри него вспыхивали кольца, слиш-ком ровные для обычного пожара. Одно расширилось и по-гасло. Через несколько мгновений севернее появилось вто-рое.

Два источника. Возможно, больше.

Я не успела спуститься.

На площадь ворвались всадники.

Их было около двадцати. Люди в чёрных плащах двига-лись одним строем даже среди бегущей толпы. Передний всадник натянул поводья у самого эшафота.

Он спрыгнул с коня до полной остановки.

Высокий мужчина в тёмном мундире поднялся по повре-ждённой лестнице. Волосы коротко острижены, на левом виске серебрилась ранняя седина. Он шёл быстро и всё же успевал замечать площадь: разрушенную башню, раненых, трещины в камне, застрявший топор.

Последним увидел меня.

Серо-зелёные глаза остановились на моём лице. Мужчина замедлил шаг. Его рот стал жёстче, хотя до этого тоже не выражал радости.

Вот и личное знакомство.

— Почему она жива? — спросил он.

— Помост качнуло, милорд, — ответил распорядитель снизу. — Мы немедленно закончим.

Мужчина посмотрел на западный дым.

— Не закончите.

Следом на эшафот поднялся всадник с золотой перевязью через плечо. В руке он держал металлический футляр с императорским гербом.

— Именем императора казнь Серис Арден приостановлена, — объявил он.

Толпа услышала. Те, кто ещё не успел покинуть площадь, загудели. Издали полетели проклятия.

Мужчина в тёмном мундире не сводил с меня глаз.

— Вы опоздали, — сказал он посланнику. — Приговор должен был быть исполнен до девятого колокола.

— Девятый ещё не прозвучал, командор Ровен.

В приговоре называли Арена Ровена — человека, которого прежняя хозяйка моего тела якобы убила.

Сходство теперь стало заметно: та же линия бровей, если судебный художник на огромном траурном полотнище у ратуши не слишком польстил покойному. Только изобра-

жённий Арен улыбался. Командор, похоже, не видел в этом практической пользы.

— Кайр Ровен? — спросила я.

Его взгляд стал тяжелее.

— Не произносите моё имя.

Убедительно. Значит, действительно родственник.

Посланник открыл футляр и достал свиток.

— Час назад разрушен столичный распределитель Западной Цепи. Первичный сигнал пришёл от крепости Ратен. Связь с гарнизоном потеряна. Накопление продолжается во втором и третьем узлах.

Я посмотрела на серебряный дым. Второе кольцо снова расширилось над северо-западными крышами.

— Это уже началось, — сказала я.

Кайр повернул голову.

— Что именно?

— Следующая перегрузка. Та башня была только выходом энергии. Источник далеко отсюда.

— Вы вспомнили устройство Цепи?

— Нет.

— Тогда молчите.

Он произнёс это тихо. Я могла бы выполнить просьбу, если бы голубые линии под камнем не становились ярче.

— У вас есть несколько минут, прежде чем загорится следующая ветвь.

Посланник нахмурился.

Кайр подошёл ближе. На его правой ладони белел старый шрам, пересекавший основание большого пальца. Он не касался оружия. Ему и без этого удавалось выглядеть человеком, который привык доводить решения до конца.

— Серис проектировала распределитель, — сказал он посланнику. — Она могла подготовить нынешний взрыв до ареста.

— Поэтому император оставляет её в живых. Временно.

Посланник развернул свиток и прочитал новый приказ. Мне возвращали право дышать на срок военной экспедиции. Я должна была провести отряд через крепости Цепи Семи, определить причину разрушения и остановить дальнейшие взрывы. Полное подчинение командору Кайру Ровену. Любой отказ, побег или вред участникам отряда возвращал приговор в силу.

— Она убила главного инженера Цепи, — сказал Кайр.

— Архимагистр Орвен жив.

— Я говорил об Арене.

Впервые в его голосе появилась эмоция. Холодная, плотно удерживаемая. Так звучит металл перед разрушением.

Посланник убрал свиток.

— Решение принято. Командор, примите осуждённую под свою ответственность.

— Я отказываюсь.

— Тогда командование перейдёт к лорду Тейну.

Кайр несколько секунд смотрел на императорскую печать.

Отказ означал отдать пограничные крепости другому. Судя по его лицу, император хорошо выбирал рычаги.

— Нет, — сказал он. — Я поведу отряд.

Теперь оба мужчины посмотрели на меня.

— Согласие осуждённой тоже требуется, — сообщил посланник.

— Разве у меня есть выбор?

— Казнь может быть продолжена немедленно.

Палач стоял у лестницы, опираясь на здоровую ногу. Услышав это, он посмотрел на застрявший топор без прежнего энтузиазма.

Я снова прикрыла глаза. Светящиеся ветви расходились под городом. Устройство было огромным, чужим и опасным. Я не понимала ни материала, ни источника энергии. Зато узнавала главное: система теряла устойчивость, люди не знали, где её остановить, и кто-то должен был подойти ближе.

В прошлый раз такой выбор закончился тоннелем на моей голове.

— Я согласна на экспедицию.

— Разумеется, — сказал Кайр. — Вы всегда соглашаетесь, когда умирать предстоит другим.

Я посмотрела ему в глаза.

— Я не знаю женщину, которую вы ненавидите.

— Это вы говорили на суде.

— Значит, сегодня у нас впервые совпали мнения.

Он не ответил.

Посланник протянул ему узкий чёрный браслет и ключ от шейной скобы. Кайр принял оба предмета. На миг его пальцы сжались вокруг металла так сильно, что побелел шрам.

— Командор должен лично принять осуждённую, — напомнил посланник.

— Я знаю порядок.

Кайр подошёл вплотную.

Я осталась на коленях: повреждённая скоба всё ещё лежала на плечах. Вблизи он оказался выше. От мундира пахло дождём и конской кожей. На воротнике темнели следы серебристой копоты — вероятно, он уже побывал у разрушенной башни.

Вблизи его спокойствие выглядело хуже открытой ярости. Под глазами залегли тени человека, который давно спит меньше положенного, на скуле темнела свежая ссадина. Он смотрел на лицо Серис и видел день, когда погиб брат. Я находилась внутри этого лица случайно, но объяснить подобное за минуту невозможно. Тем более мужчине, пришедшему убедиться в моей смерти.

И всё же он не торопился причинить мне боль. Для начала этого было достаточно.

— Поднимите волосы, — приказал он.

Я собрала их одной рукой и отвела в сторону.

Кайр вставил ключ в замок у основания шеи. Его пальцы коснулись моей кожи. Короткое прикосновение отдалось теплом между лопаток, слишком заметным среди утреннего

холода.

Он тоже замер. Всего на долю секунды.

Затем замок щёлкнул. Кайр снял тяжёлую скобу и отбросил её на доски.

Я поднялась. Ноги затекли, помост качнулся, и пришлось перенести вес на уцелевшую опору. Его рука легла мне на локоть раньше, чем я успела потерять равновесие.

Сильные пальцы. Точный захват. Никакой заботы — только нежелание уронить государственную собственность до передачи.

Кайр отпустил меня сразу, как только я выпрямилась.

— Руку.

Я протянула левую.

Он раскрыл браслет. На внутренней стороне проходили тонкие красные знаки. Я не знала их значения, но кожа вокруг старых ожогов уже начала покалывать.

— Что он делает?

— Напоминает о приговоре.

— Очень содержательно.

— Остальное узнаете в дороге.

Кайр защёлкнул браслет на моём запястье.

Холод прошёл вверх по руке и на секунду перехватил дыхание. Красные знаки вспыхнули, впитались в металл и исчезли. Под ними осталась ровная чёрная поверхность без замка.

Из западной части города донёсся новый удар. На этот раз

слабее, но земля под ногами дрогнула. Серебряное кольцо поднялось над крышами и рассыпалось.

Посланник побледнел.

— Второй распределитель.

Кайр посмотрел сначала на дым, затем на меня.

Теперь в его глазах кроме ненависти появилось внимание. Небольшое изменение. В моей прежней работе именно такие мелочи часто решали, кто вернётся домой.

— Когда выходим? — спросила я.

— Сейчас.

Он спустился на одну ступень и остановился, заставив меня идти следом.

— Запомните первое правило, леди Серис. До первой крепости вы идёте впереди.

Кайр повернул голову. Серо-зелёные глаза встретились с моими.

— Если это ваша ловушка, она убьёт вас первой.

Глава 2. Преступница в отряде

— Браслет остановит ваше сердце раньше, чем вы сделаете тридцать первый шаг.

Кайр сообщил это в помещении, где мне выдали чужие брюки, поношенную куртку и пару сапог.

Он стоял у двери, пока пожилая кладовщица затягивала на моей талии ремень. Ремень пришлось проколоть ещё раз. Прежняя Серис явно не рассчитывала отправляться на казнь, а затем сразу в военный поход.

— Тридцать шагов от вас? — спросила я.

— От назначенного конвоира. Сегодня это я.

— А завтра?

— Если доживёте, узнаете.

Очень продуманная система оповещения. Вопросы выдавались порциями, ответы — при наличии хорошего поведения.

Я опустила рукав на чёрный металл.

— Что ещё его активирует?

— Попытка снять. Нападение на участника отряда. Любая магия без моего разрешения.

— Как браслет отличает нападение от случайности?

— Ошибаться не советую.

Кладовщица застыла с плащом в руках. Видимо, обсуждать свойства смертельной привязи при осуждённой здесь

считалось дурным тоном.

— Примерять тоже не буду, — сказала я. — Мне нужны перчатки.

Кайр слегка прищурился.

— Зачем?

Я показала ему запястья. Верёвка содрала кожу, старые ожоги под ней покраснели.

— Чтобы грязь не попала в раны. И чтобы держать инструменты, если вы действительно хотите довезти меня до крепости полезной.

— Инструментов у вас не будет.

— Тогда полезной окажется только моя голова. А её сегодня уже пытались отделить.

Кладовщица кашлянула в сложенный плащ.

Кайр подошёл. Взял меня за левую руку и провёл большим пальцем вдоль края браслета. Прикосновение было деловым, но пульс под его пальцами ускорился. Тело Серис реагировало на близость командора без моего разрешения. Хотелось списать это на утренний топор и пережитый взрыв.

Красная искра пробежала под металлом.

Кайр сразу убрал руку.

— Повреждений от привязи нет, — сказал он.

— Раны появились раньше.

— Вы переживёте.

— С таким медицинским сопровождением я спокойна.

Он посмотрел на кладовщицу.

— Дайте перчатки.

Победа была небольшой. Ещё утром меня собирались казнить, теперь разрешили не занести грязь в ссадины. Карьера развивалась стремительно.

Военный двор находился за северной стеной дворца. К нашему появлению там выстроились три десятка всадников, две грузовые повозки и одна закрытая клетка на колёсах.

Последняя явно предназначалась мне.

Мальчишка с эшафота сидел на каменном бортике у ворот. Рядом палач придерживал его за плечо и спорил с лекарем, который хотел осмотреть повреждённую ногу. Увидев меня, мальчишка вскочил.

— Миледи...

Окружающие обернулись.

Он осёкся, вспомнив, кому собрался выражать благодарность. Чёрному Фитилю благодарить полагалось только за своевременную смерть.

— В следующий раз сначала смотри вверх, — сказала я.
— Потом на казнь.

Мальчишка покраснел и кивнул.

Палач поднял два пальца в коротком приветствии. Похоже, временное сохранение моей головы не слишком его огорчило.

— Трогательно, — произнёс незнакомый мужской голос.
— Пять минут свободы, и вы уже собираете сторонников

среди судебных служителей.

У тюремной повозки стоял мужчина в дорожном пальто песочного цвета. Ветер растрепал русые волосы, за плечом висели два кожаных футляра для карт. Он улыбался легко, несмотря на обломки вокруг и императорский приговор на моей руке.

— Дарен Вейл, — представился он. — Проводник, картограф и человек, который знает короткую дорогу к любой неприятности.

— Последнее звучит правдоподобнее остальных.

— Вы всё ещё умеете делать выводы. Хороший знак.

Дарен поклонился, не отрывая от меня внимательных карих глаз.

— Мы знакомы?

— Вы однажды обещали отрезать мне два пальца.

— За что?

— За карту с ошибкой.

— Ошибка была серьёзной?

— Исчезнувшая переправа. Я нарисовал её по старым сведениям.

— Тогда два пальца — строгая, но понятная система контроля качества.

Дарен рассмеялся.

— Новая манера вам идёт, леди Серис.

Кайр встал рядом. Он ничего не сказал, однако улыбка проводника стала осторожнее.

— Вейл отвечает за маршрут, — объяснил Кайр мне. — Не доверяйте ему деньги, ключи и сведения, которые можно продать.

— Командор забывает упомянуть мои достоинства.

— Я закончил.

Дарен приложил ладонь к груди, изображая раненое чувство.

Со стороны конюшен подошёл широкоплечий солдат с нашивками сержанта. Он нёс связку коротких копий и раздавал их людям. Возле меня остановился.

Правую сторону его лица пересекал старый ожог. На шее висел металлический жетон с выбитым именем, только разобрать его я не успела.

— Брант, — сказал Кайр. — Старший над конвоем.

Сержант посмотрел на мои новые перчатки, потом на лицо.

— Мой брат служил в Серебряной лаборатории.

Слова прозвучали спокойно. Рука, державшая копья, побелела от напряжения.

— Он был среди двенадцати? — спросила я.

— Его нашли у восточного выхода. Если бы выход не запечатали, он успел бы выбраться.

Я не знала, что ответить человеку, который видел во мне убийцу брата. Сочувствие из уст Серис прозвучало бы издевательством. Оправдания — ещё хуже.

— Я не помню этого, — сказала я.

— Удобная болезнь.

Брант сунул копье ближайшему солдату и отошёл.

Кайр проводил его взглядом.

— Половина отряда потеряла кого-то из-за вас. Другая половина слышала рассказы. Императорский приказ сохранит вам жизнь, пока вы полезны. Тепла от людей не ждите.

— Я собиралась просить дисциплину.

— Просить будете через решётку.

Он открыл дверцу повозки.

Внутри стояла узкая лавка, прикрученная к полу. Решётчатые окна позволяли видеть дорогу и не позволяли забыть собственное положение. На досках темнели пятна, происхождение которых лучше было не выяснять перед поездкой.

— Вы говорили, что я пойду впереди.

— За городом ваша повозка возглавит колонну.

— Если дорога взорвётся, выбраться отсюда будет сложно.

— В этом и состоит преимущество.

Я забралась внутрь.

Кайр закрыл дверь и повернул ключ. Его лицо на миг оказалось между двумя прутьями.

— Четыре дня до первой крепости, леди Серис. Постарайтесь не дать мне повода закончить начатое палачом.

— Постарайтесь не потерять ключ.

Он убрал его во внутренний карман мундира.

— Я ничего не теряю.

По выражению его глаз было ясно: одного брата он потерял и помнил об этом постоянно.

Колонна вышла из столицы до полудня.

Повозку поставили за двумя всадниками. Кайр ехал слева, Брант — справа. Солдаты держались на расстоянии от решёток. Из всех участников похода только Дарен время от времени приближался, чтобы сообщить особенно важную новость: дорога впереди грязная, дождь холодный, а клетка портит мне цвет лица.

Улицы западных кварталов ещё дымились. У разрушенного распределителя работали люди в серебристых плащах. Они окружили обломки светящимися шестами и никого не подпускали. Голубые линии под мостовой побледнели, но не исчезли. Я видела их, когда моргала или дольше смотрела в одну точку.

С новой способностью предстояло разобраться. Пока она напоминала схему, наложенную на обычное зрение: ветви, узлы, движение света. Значение цветов оставалось неизвестным. На Земле за работу с системой без обозначений я бы выставила отдельный счёт.

У городских ворот нас ждала толпа.

Сначала люди молчали. Потом женщина в тёмном платке увидела меня за решёткой.

— Убийца!

В прутья ударил комок грязи. Следом полетел камень.

Кайр перехватил его на лету и разжал пальцы. Камень упал под копыта коня.

Командор даже не посмотрел на меня.

— Освободить дорогу, — приказал он страже у ворот.

Людей оттеснили. Женщина продолжала кричать, что её сын погиб в лаборатории. Я видела её лицо между плечами солдат, пока повозка не выехала за стену.

За западными воротами город кончился сразу. Каменные дома уступили место мокрым полям, разделённым низкими изгородями. На чёрной земле лежали остатки снега, в канаве бежала мутная вода. Вдали медленно вращались крылья мельниц. Никакой стены между привычным миром и невозможным не существовало: крестьяне чинили ограду, вороны спорили над пашней, а по дороге везли женщину, умершую в техническом тоннеле и проснувшуюся в теле приговорённой колдуньи.

Я пыталась удержаться за знакомые детали. Колесо скрипело на каждом обороте. Левая лошадь берегла переднюю ногу. Возница дважды проверил один и тот же ремень — значит, не доверял пряжке. Всё подчинялось причинам и последствиям, пока взгляд не опускался к голубым линиям под землёй.

О возвращении я пока не думала. Для таких мыслей требовалось хотя бы понять, куда возвращаться и осталось ли на Земле тело, способное меня принять. Гораздо полезнее было запоминать дорогу, лица и правила браслета. Первые

часы в новом мире уже показали: местная магия могла быть непонятной, но люди использовали её с привычной человеческой небрежностью.

— Вас действительно любят, — заметил Дарен, поравнявшись с окном.

— Начинаю привыкать к тёплому приёму.

— Раньше вы отвечали хуже.

— Что я делала?

— Смотрели. После этого человеку хотелось извиниться, даже если он был прав.

Дарен наклонился ближе к решётке.

— Вы правда ничего не помните?

— Сегодня я узнала собственное имя от жреца.

— А Арена?

Я посмотрела на траурную ленту, повязанную вокруг его левого рукава. Она была такой же, как у половины солдат.

— Только портрет на ратуше.

Дарен перестал улыбаться.

— Любопытно.

— Почему?

— Рядом с Ареном весь остальной мир выглядел для вас временным неудобством. Сложно забыть человека после такого.

— Смерть способна испортить память.

— Особенно чужая.

Я вскинула взгляд.

Дарен уже выпрямился в седле. Улыбка вернулась, но теперь я знала: за ней он прячет наблюдательность.

— Что означает Чёрный Фитиль? — спросила я.

— После взрыва Серебряная лаборатория горела чёрным пламенем семь дней. Пожар не брали вода и земля. В газетах кто-то назвал вас Чёрным Фитилём. Столице понравилось.

— А вам?

— Я предпочитаю Серис. Короче и опаснее.

Кайр натянул поводья и вклинил коня между повозкой и Дареном.

— Вейл, проверьте развилку у старого тракта.

— Она в двух часах пути.

— Тем больше времени проверить.

Проводник поклонился мне из-за плеча командора и поскакал вперёд.

Кайр некоторое время ехал рядом молча.

— Он задаёт вопросы, ответы на которые продаёт, — сказал он.

— Вы тоже задаёте вопросы.

— Я не продаю ответы.

— Вы пока вообще ими не делитесь.

Он повернул голову. В дневном свете серо-зелёные глаза выглядели светлее, но теплее не становились.

— Что вы увидели перед взрывом?

— Линии под площадью. По ним двигался свет.

— Контуры Цепи невозможно видеть без дара артефакто-

ра.

— Значит, тело Серис его сохранило.

— Вы говорите о себе как о посторонней.

Я допустила ошибку.

Я положила руки на колени, спрятав браслет под перчаткой.

— После приговора так проще.

Кайр не отвёл взгляда.

— На суде вы утверждали, что не касались распределителя. До этого три месяца молчали. Сегодня забыли Арена, собственные работы и меня. Зато за несколько секунд определили перегрузку.

— Вас это огорчает?

— Меня интересует, какую игру вы начали.

— Для игры нужны правила. Вы их сообщаете слишком медленно.

Он подъехал ближе. Конское плечо почти касалось колеса.

— Тогда запомните ещё одно. Если из-за вашей игры погибнет человек, браслет не понадобится.

— Вы убьёте меня сами. Я поняла ещё на эшафоте.

— Хорошо.

Он собирался уехать, но я придержала ладонью решётку.

— Вы называли Арена главным инженером Цепи.

Кайр остановил коня.

— И?

— Через четыре дня вы потребуете от меня работу, которую прежде выполнял он. Мне нужно знать, за что отвечал ваш брат.

— Вы работали рядом шесть лет.

— Теперь я этого не помню.

— Очень жаль.

— Мне тоже. Особенно с учётом браслета.

Несколько шагов колонна двигалась без нас. Брант оглянулся, Кайр жестом велел продолжать.

— Арен рассчитывал распределение силы между крепостями, — произнёс он. — Орвен руководил Цепью, вы создавали защитные печати. Втроём вы знали о ней больше, чем все имперские артефакторы вместе.

— Где был Орвен во время взрыва лаборатории?

— На третьей крепости. Его алиби проверили.

Ответ прозвучал слишком быстро. Этот вопрос Кайру задавали много раз, и он выучил решение суда почти дословно.

— А вы?

Его пальцы сжали поводья.

— На северной заставе.

— Поэтому вы уверены в моей виновности со слов других.

— Я видел лабораторию после пожара. Видел людей у восточного выхода. И письмо, которым вы вызвали Арена туда ночью.

— Что было в письме?

— Просьба прийти одному. Вы обещали показать откры-

тие, способное изменить Цепь.

Теперь я поняла, откуда в его ненависти такая точность. Кайр отсутствовал, когда младший брат получил письмо и отправился на встречу с невестой. Вернувшись, он нашёл развалины. Возможно, годами прокручивал один вопрос: что случилось бы, окажись он рядом?

— Арен говорил вам, зачем идёт?

— Он просил поехать с ним.

Кайр ответил после короткой паузы. Под спокойствием на секунду проступило другое — усталость человека, который слишком часто возвращается к одному решению.

— Я отказался.

— Почему?

— Потому что верил вам обоим.

Он посмотрел на меня через прутья.

— Больше этой ошибки я не совершу.

Кайр направил коня вперёд.

Угроза прозвучала убедительно. Однако в городе он оставил камень, летевший в мою голову, и никому не позволил закончить казнь вопреки приказу. Для него правила имели вес, даже когда защищали женщину, которую он ненавидел. Это делало его опаснее. И предсказуемее.

К середине дня дождь закончился. Императорский тракт тянулся между низкими холмами, мощённый широкими серыми плитами. На западе темнела полоса леса. Над ней ви-

село серебристое зарево — след энергии, уходящей от разрушенных узлов.

Колонна остановилась у дорожной станции. Лошадей напоили, людям раздали хлеб и сушёные яблоки. Дверцу моей повозки не открыли.

Брант просунул между прутьями флягу и кусок хлеба.

— Император приказал довести вас живой, — сказал он.

— Про удобства в приказе ничего нет.

— Спасибо, что уточнили.

Он ушёл.

Я выпила немного воды и понюхала хлеб. Обычный, ржаной. Голод убеждал рискнуть, но история Серис советовала осторожность. Я отломил маленький кусок, подождала и съела. Вкус оказался кислым, без посторонней горечи.

— Если вас захотят отравить, выберут средство без вкуса.

Дарен стоял с другой стороны повозки. Он протянул через решётку красное яблоко.

— Утешили.

— Я стараюсь.

— Откуда яблоко?

— Украл у командора.

— Тогда верните. Я предпочитаю не начинать поход с участия.

— Разумно.

Дарен надкусил яблоко сам.

— Можете считать проверенным.

— Могу считать, что вы устойчивы к тому, чем его обрабатывали.

— Вот теперь я узнаю королевскую артефакторку.

Он передал яблоко снова. Я приняла. После тюремного хлеба оно было роскошью.

— Почему вы согласились вести отряд? — спросила я.

— Империя платит. Бездна плохо влияет на торговые пути. И мне любопытно, какая Серис доедет до первой крепости.

— Их несколько?

— Сегодня — как минимум две.

Дарен кивнул на меня и на чёрный браслет.

За его спиной появился Кайр.

Проводник вздохнул и отступил от решётки сам, не дожидаясь приказа.

Командор посмотрел на надкусанное яблоко в моей руке, затем на Дарена.

— Через пять минут выступаем.

— Я как раз собирался проверить развилку, — сообщил тот.

— Теперь до неё час пути.

— Время летит рядом с приятной собеседницей.

Кайр промолчал. Дарен рассмеялся и ушёл к лошади.

— Он действительно украл яблоко у вас? — спросила я.

— Нет.

— Жаль. Это улучшило бы его историю.

Кайр подошёл к дверце и проверил замок.

— Старый мост повреждён. Пойдём по заброшенному императорскому тракту. Ваша повозка будет первой.

— Наконец выполняете обещания.

— Вы ещё пожалеете.

Старый тракт оказался уже и темнее нового. Деревья подступали к обочинам, корни приподняли каменные плиты. Колёса то и дело попадали в выбоины, клетку трясло. После очередного удара я решила, что палач действовал бы гуманнее.

Впереди ехал только Дарен, выбирая дорогу. Повозка шла следующей. Кайр держался у левого колеса, Брант — у правого. Остальной отряд растянулся позади.

Я закрыла глаза.

Под дорогой мерцали редкие голубые нити. Они тянулись к западу, местами обрывались, затем появлялись снова. От браслета уходила тонкая красная линия. Она связывала меня с печатью на перчатке Кайра.

Вот и тридцать шагов.

Я открыла глаза, прежде чем командор заметил моё внимание.

Тракт повернул между двумя каменными откосами. За поворотом плиты стали ровнее. Слишком ровными для заброшенной дороги. Края совпадали, поверхность не просела, между камнями почти не росла трава.

Дарен проехал по узкой полосе у правой обочины.

Передние лошади повозки пошли по центру.

Голубые линии под плитами вспыхнули.

— Стойте! — крикнула я.

Возница не отреагировал. Может, не слышал из-за колёс.

Я ударила ладонью по решётке.

— Остановите повозку!

Кайр поднял руку. Возница натянул вожжи. Лошади замерли в нескольких шагах от ровного участка. Задние всадники начали ругаться, удерживая строй.

— Никому не сходить с дороги, — сказала я.

Брант развернул коня.

— Она уже командует отрядом?

— Стоять на местах, — приказал Кайр.

Спор закончился.

Он подъехал к решётке.

— Что вы видите?

— Дорогу ремонтировали. Только этот участок. Камни уложены ровно, а под ними сходятся контуры.

— Контуры проходят вдоль всего тракта.

— Здесь они собираются в один узел.

Кайр посмотрел вперёд. Дарен уже вернулся с поворота, но остановился у обочины, не приближаясь.

— Я проехал там, — сказал он.

— По краю, — ответила я. — Повозка пойдёт через середину.

— Удобно устроено.

— Для ловушки — да.

Кайр открыл дверцу.

— Выходите.

— Сначала отведите лошадей и людей назад.

— Вы ещё не доказали, что там есть опасность.

— Поэтому предлагаю проверить без тридцати свидетелей рядом.

Он выдержал короткую паузу, затем отдал приказ. Повозку медленно откатали. Всадники отступили за поворот. У дороги остались Кайр, Брант, Дарен и коренастый мужчина в кожаном переднике поверх мундира.

— Мастер Корд, отрядный артефактор, — представил его Кайр. — Он проверит вашу версию.

Корд надел круглые защитные стёкла и достал из сумки небольшой кристалл на рукояти.

— Не подходите к центру, — предупредила я.

Он бросил на меня раздражённый взгляд.

— Я работал с охранными печатями, когда вы ещё учились держать резец.

— Тогда вам будет особенно обидно ошибиться при ученице.

Дарен отвернулся, пряча улыбку.

Кайр спрыгнул с коня и подошёл к первому ровному камню. Я вышла из повозки следом. Браслет холодил запястье, красная линия между нами стала ярче.

— Дальше не идите, — сказала я.

— Покажите, что заметили.

Я присела у границы старой и новой кладки, не касаясь плит. В щели поблёскивала серебристая нить. Она уходила под дорогу и соединялась с голубым узлом.

Корд поднёс кристалл. Тот помутнел.

Раздражение исчезло с лица артефактора.

— Спусковая печать, — сказал он. — Под всей полосой.

Брант медленно выдохнул.

— На что срабатывает?

— Пока неизвестно.

— Никто не приближается, — сказала я. — Перекрываем дорогу и осматриваем края. Без прикосновений.

Кайр посмотрел на меня.

— Вы ничего не помните, однако снова узнаёте механизм.

— Я узнаю опасность. Механизм придётся изучить.

Корд провёл кристаллом вдоль границы. Под одной из плит появилась тонкая прямоугольная рамка. Артефактор направил на неё бледный луч, и грязь осыпалась с металла. В центре проступил знак.

Серебряный круг. Внутри — чёрная изломанная линия, похожая на горящий фитиль.

Старые ожоги под моим браслетом отозвались болью.

— Личный знак королевской артефакторки, — произнёс Корд.

Кайр поднял на меня глаза.

Ловушку подписала Серис Арден.

Глава 3. Работа для злодейки

— Ловушку поставили вы.

Кайр произнёс это без нажима. Ему не требовалось повышать голос: знак Серис блестел под дорожной плитой убедительнее любого обвинения.

Над старым трактом темнело небо. С запада ползли тяжёлые тучи, цепляясь за верхушки сосен. Ветер гнал по камням прошлогоднюю хвою и приносил запах дождя. Лошади, отведённые за поворот, переступали и тихо били копытами. Они чувствовали напряжение людей, хотя вряд ли понимали, почему тридцать вооружённых мужчин боятся ровного участка дороги.

Я сидела на корточках у края новой кладки и рассматривала серебристую нить в щели. Знак под плитой выглядел слишком чистым. В углублениях не скопилась грязь, чёрная эмаль не успела потускнеть. Если Серис и приложила руку к этому устройству, кто-то совсем недавно позаботился о её подписи.

— Серис два месяца провела в темнице, — сказала я. — Когда ремонтировали дорогу?

Брант нахмурился.

— Здесь никто не ремонтирует дороги. Торговцы ездят южным трактом.

— Тем лучше. Значит, работу было трудно не заметить.

— Вы меняете тему, — сказал Кайр.

— Я устанавливаю время установки. Это полезнее обвинений, если вы хотите провести отряд живым.

Корд поднял защитные стёкла на лоб. Раздражение на его лице сменилось профессиональным интересом.

— Плиты действительно свежие. Но сам контур мог лежать здесь годами.

— Мог. Пока мы его не вскроем, это только предположение.

Браслет на моём запястье холодил кожу. Красная нить тянулась к перчатке Кайра и напоминала, что право спорить мне оставили лишь по необходимости. Он мог вернуть меня в клетку, объехать ловушку по лесу и потерять там людей. Или позволить осуждённой злодейке заняться тем, за что её собирались казнить.

— Что вам нужно? — спросил он.

— Инструменты Корда, мел, верёвка и шесть мешков с землёй.

— Зачем мешки?

— Узнаем, на какую нагрузку реагирует спуск. Если Корд прав и под трактом старый контур, одна ошибка может оставить от повозки красивое воспоминание.

Корд недовольно прижал сумку к боку.

— Моими инструментами пользуюсь я.

— Тогда вы работаете руками, а я говорю, куда их не класть.

Дарен кашлянул, пряча смешок. Брант посмотрел на него так, что картограф сразу заинтересовался небом.

Кайр перевёл взгляд с меня на дорогу.

— Корд, выполняйте. Брант, выставьте оцепление на сто шагов. Никто не касается камней и не сходит с обочины.

— Командор, — начал сержант, — если она сама это устроила...

— Тогда особенно важно узнать, как устройство работает.

Брант сжал челюсти, но подчинился.

Первые капли упали на дорогу, оставив тёмные пятна. До настоящего ливня оставалось недолго. Вода могла замкнуть линии, скрыть мелкие следы и превратить работу на открытом тракте в отдельный вид наказания. Я попросила натянуть над краем кладки два походных плаща. Солдаты выполняли распоряжение без охоты и старались ко мне не приближаться.

Корд разложил инструменты на сухой ткани: медные щупы, кристалл на рукояти, тонкие зажимы, моток изолирующей нити и несколько пластин с начертанными знаками. Назначение половины предметов я не знала. Зато знала порядок действий, который не зависел от мира и вида энергии.

Сначала — границы опасной зоны. Затем источник питания. После этого спуск, исполнительный узел и только в конце попытка отключения.

Любитель начинает с провода, который кажется главным. Профессионал сначала выясняет, что произойдёт, если его

перерезать.

— Покажите все линии, которые видит кристалл, — сказала я.

Корд провёл прибором над первой плитой. В воздухе проступила голубая сетка. Она уходила под весь тракт, пересекалась в трёх узлах и тянулась к каменным столбам по обе стороны дороги.

— Накопитель здесь, — сказал он, указывая на яркое пятно у центра.

— Возможно. Не касайтесь.

— Я и без вас знаю.

— Прекрасно. Тогда у нас уже есть одна общая мысль.

Мы обошли ловушку по краю. Кайр шёл следом, вынуждая браслет отпускать меня на несколько шагов. Красная линия между нами то гасла, то вспыхивала. Его присутствие раздражало и одновременно успокаивало: если устройство оживёт, он сумеет принять часть выброса. Судя по тёмным прожилкам у манжеты, цена такой помощи окажется высокой.

У правого столба я заметила царапины на мху. Камень недавно двигали. Корд снял тонкий слой земли, и под ним открылась медная крышка.

— Дополнительный накопитель, — решил он.

— Или приманка.

— У вас всё приманка.

— Поэтому я до сих пор жива.

Слова прозвучали не совсем правдиво. Арина Бессонова умерла под обрушившимся тоннелем. Но привычка считать каждый незнакомый предмет опасным пережила её вместе со мной.

Корд подсветил крышку. От неё шла тонкая зелёная линия к центральной плите и отдельная — в лес.

— Вот питание, — сказал Брант из-за оцепления.

— Нет. Провод слишком заметен.

— Для вас, может быть.

— Для любого артефактора. Если вы хотите спрятать источник, не кладёте к нему прямую линию под крышкой с ручкой.

Кайр присел рядом, не сводя глаз с узора.

— Что тогда в лесу?

— То, что должно сработать, когда мы откроем крышку.

Дарен сверился с картой.

— В той стороне старый сигнальный столб. До него шагов двести.

— Никого не посылать. Линия может реагировать на приближение с обеих сторон.

Кайр посмотрел на Бранта.

— Передайте дозорным: лес не прочёсывать.

Сержант ушёл выполнять приказ. В его спине читалось мнение о командире, который слушает убийцу собственного брата. Мне хотелось возразить, но спорить с чужой спиной было бессмысленно.

Мы вернулись к краю кладки. Дождь усилился, застучал по плащам над головой и потёк по канавам. Под навесом стало тесно. Кайр стоял так близко, что красная нить браслета исчезла, однако теплее не стало.

— Как вы предлагаете проверить спуск? — спросил он.

Я привязала длинную верёвку к первому мешку.

— Постепенно увеличивать вес. Начнём с края и будем двигаться к середине. Все — за поворот, кроме Корда. Вы тоже.

— Печать браслета не позволит вам остаться без меня.

— Оставьте перчатку.

Его взгляд стал холоднее.

— Нет.

— Тогда стойте за каменным столбом и постарайтесь не проявлять героизм.

— Вы часто приказываете людям, от которых зависит ваша жизнь.

— Только когда от них зависит ещё и моя смерть.

Корд закрепил на верёвке малую защитную пластину. Мы отошли за поворот. Мешок медленно протащили на первую плиту. Ничего не произошло. Второй увеличил нагрузку. Голубая сетка под камнями вспыхнула, но тут же погасла.

На третьем мешке из леса донёсся глухой удар.

Солдаты схватились за оружие. Лошади рванули поводья. Над правым столбом поднялась тонкая красная дуга и застыла в воздухе.

— Никому не двигаться! — крикнула я.

Дуга разделилась на семь нитей. Они прошли над трактом и сомкнулись у левого столба, образовав прозрачную стену. Внутри неё воздух дрожал от накопленной силы.

Корд побледнел.

— Это запирающий контур.

— Пока да. Основной спуск ещё не сработал.

— Три мешка весят меньше всадника.

— Значит, ловушка считает не вес.

Я вспомнила путь Дарена. Он проехал по самому краю один и остался цел. Повозка должна была войти серединой, окружённая всадниками. Устройство ждало не тяжёлую цель, а несколько живых источников магии одновременно.

— Корд, кристалл реагирует на людей?

— На активные печати и сильный дар.

Я посмотрела на мешки. Защитная пластина на верёвке светила внутри красной стены.

— Оно считает магические следы. Сработала ваша пластина вместе с печатями Кайра и браслета.

Корд медленно снял стёкла.

— Если бы отряд вошёл всей колонной, барьер закрыл бы дорогу.

— А потом накопитель выпустил бы заряд внутрь.

Тишина после этих слов оказалась тяжелее дождя. За поворотом находились три десятка людей, лошади, повозка с припасами. На тесном участке они не успели бы развернуть-

ся. Тот, кто строил ловушку, знал состав экспедиции и маршрут.

Кайр принял решение сразу.

— Как отключить?

— Сначала снять барьер. Потом отделить счётчик от основного узла.

— Это возможно?

— Узнаем.

Мы вернулись под навес. Красные нити пропускали дождь, но воздух между ними потрескивал. Корд показал мне три управляющие линии. Я не понимала знаков, зато видела различие в их поведении: одна пульсировала ровно, вторая отзывалась на каждое движение Кайра, третья гасла возле моего браслета.

— Третья линия проверяет Серис, — сказала я.

— Почему тогда ловушка не отключилась? — спросил Кайр.

— Потому что её знак используется не как пропуск. Как подтверждение цели.

Удобная конструкция. Сначала запереть отряд, затем удостовериться, что осуждённая прибыла вместе с ним. Если Серис погибнет на эшафоте, устройство, вероятно, останется бездействовать. Замена казни экспедицией превратила её в ключ.

Кто-то слишком хорошо знал императорский приказ.

Корд установил зажимы на пульсирующую линию. По мо-

ей просьбе он не разрывал её, а замкнул на пустую медную пластину. Красная стена дрогнула.

— Теперь линия браслета, — сказала я.

— Если ошибётесь, — предупредил Кайр, — печать может решить, что вы пытаетесь её снять.

— Тогда держите руку ближе. Пусть она видит хозяина.

Ему не понравилось последнее слово. Всё же Кайр положил левую ладонь рядом с моим запястьем. Металл браслета нагрелся. Красная линия между нами легла поверх узора ловушки, и на несколько секунд я увидела его устройство целиком.

Контуры не стали понятными рунами. Они напоминали схему, с которой стёрли подписи: источник, датчики, задержка, исполнительный узел. Названия отсутствовали, назначение связей читалось по тому, куда они вели.

— Вот обход, — сказала я и указала на едва заметную серебряную перемычку. — Её добавили после сборки.

Корд наклонился ниже.

— Она заведена под личную печать.

— Перемкните её на пластину, затем уберите зажим со счётчика.

— Почему не наоборот?

— Потому что тогда устройство заметит исчезновение сигнала.

Корд покосился на меня, но спорить не стал. Его пальцы работали уверенно. Перемычка легла на медь. Счётчик про-

должал мерцать, получая ложное подтверждение.

Когда последний зажим освободил основную линию, красная стена над дорогой рассыпалась без звука.

Никто не пошевелился.

— Это всё? — спросил Брант из-за поворота.

— Это только дверь. За ней ещё стоит то, что должно было нас убить.

Основной узел скрывался под центральной плитой. Поднимать её руками я запретила. Корд пропустил через кольца две верёвки, солдаты из укрытия потянули, и тяжёлый камень медленно встал на ребро.

В углублении лежал плоский металлический ящик. По крышке шли семь каналов, заполненных багровым светом. В середине вращался чёрный кристалл размером с кулак.

Корд тихо выругался.

— Крепостной накопитель. Такой должен питать башню, а не дорожную печать.

— Хватило бы на весь отряд?

— На участок тракта вместе с лесом.

Дождь шипел на металле. Багровый свет в каналах поднимался и опадал, сохраняя заряд. Мы обошли спуск, но накопитель оставался соединён с чем-то под землёй. Оставлять его нельзя: следующий путник мог закончить начатое случайным прикосновением.

Я попросила Корда показать линию отвода. Он нашёл её под слоем чёрной смолы. Канал шёл к правому столбу, затем

в глубину леса. Тот самый заметный провод оказался не питанием и не приманкой, а аварийным сбросом, замаскированным под ловушку для артефактора.

Устройство строил человек, который рассчитывал на чужую самоуверенность.

— Можно выпустить силу по этой линии? — спросила я.

— Если сигнальный столб ещё соединён с землёй.

— А если нет?

— Он разлетится.

— Поэтому сначала проверим связь, не открывая канал полностью.

Корд установил малый отвод. Я следила за кристаллом, Кайр — за лесом. Первая тонкая струя света ушла вправо. Через несколько ударов сердца земля едва заметно дрогнула, но взрыва не последовало. Мох у столба засветился зелёным.

— Земля принимает, — сказал Корд.

Мы увеличивали отвод медленно. Накопитель тускнел, дождь над ящиком превращался в пар. Кайр дважды пытался подойти ближе и оба раза останавливался после моего взгляда. Мне начинало нравиться это редкое свойство: иногда он всё же понимал разумные указания.

Когда багровый свет исчез, Корд зафиксировал кристалл и снял крышку. Под ней обнаружили крепления разного возраста. Старые болты покрывала зелень, четыре новых блестели.

— Его вскрывали недавно, — сказала я.

Корд провёл ногтем по царапине возле крепления.

— Не больше недели назад. После дождя металл уже начал бы темнеть.

— Серис была в темнице, — напомнил Дарен.

Он стоял за оцеплением, но говорил достаточно громко, чтобы слышали все.

Брант не ответил. Несколько солдат переглянулись. Их ненависть никуда не исчезла, однако теперь рядом с ней появилось неудобное сомнение.

Кайр присел у открытого ящика.

— Личный знак могли перенести со старого устройства.

— Могли. Или сделать копию. В любом случае ловушку собирали, когда Серис уже ждала казни.

Он коснулся одного из новых болтов лезвием ножа. Под головкой обнаружилась красноватая стружка.

— Местная медь, — сказал Корд. — Её добывают у первой крепости.

— Значит, мастер пришёл оттуда или получил материалы от гарнизона, — заключил Кайр.

На этот раз он не посмотрел на меня как на обвиняемую. Он смотрел на устройство.

Корд извлёк из корпуса ещё две тонкие пластины и разложил их на ткани. На одной сохранились следы старого контура, на другой — свежие насечки. По форме они совпадали, но мастер, переделывавший ловушку, торопился: края новой детали были обработаны грубее, в одном отверстии застряла

металлическая стружка.

— Можно определить, кто это сделал? — спросил Кайр.

— По манере резьбы мастера не находят, — ответил Корд.

— В гильдии сотни людей работают такими резцами.

— Зато можно понять, чего он боялся, — сказала я.

Они посмотрели на меня.

— Здесь всё рассчитано на скорость. Новые крепления посажены поверх старых, линии спрятаны только там, где их увидят при обычном осмотре. Мастер не собирался обслуживать устройство и не рассчитывал забрать его после срабатывания. Ему требовалось один раз остановить именно наш отряд.

Дарен свернул карту и убрал её под куртку, защищая от дождя.

— Другого пути к первой крепости для обоза нет. Любой отряд пошёл бы по старому тракту.

— И в тюрьме, — добавил Брант. — Приказ зачитывали при ней.

— Я слышала о первой крепости на эшафоте, — ответила я. — Даже если предположить, что Серис умеет передавать мысли сквозь стены и смерть, времени на дорогу у сообщника не оставалось.

Кайр провёл пальцем по краю новой пластины.

— Ловушку начали готовить до сегодняшнего разрушения распределителей.

Эта мысль заставила всех замолчать. Если устройство сто-

яло здесь заранее, его создатель рассчитывал, что разрушение Цепи приведёт к экспедиции по старому тракту. Серис могла оказаться в отряде или погибнуть на эшафоте; печать распознавала её как отдельную цель, но для остальных западня оставалась смертельной. Возможно, именно поэтому западную часть столицы встряхнуло в минуту перед ударом палача.

Случайность всё меньше напоминала случайность.

Вода стекала по поднятой плите и собиралась в углублении. На поверхности лужи дрожал перевёрнутый знак Серис. Чужое имя, чужое лицо и чужая вина следовали за мной по пятам, но впервые рядом с ними появился след другого человека.

Этого было недостаточно для оправдания. Достаточно, чтобы Кайр начал задавать вопросы.

— Корд, упакуйте все новые детали отдельно, — приказал он. — Дарен, отметьте точное место и направление отвода. Брант, отправьте двоих к ближайшей заставе. Пусть выяснят, кто проходил по тракту за последнюю неделю.

Сержант не двинулся.

— Вы всерьёз приняли её объяснение?

— Я принял факты.

— Факты можно подготовить.

— Поэтому мы их проверим.

Брант подошёл ближе, когда Кайр разрешил снять оцепление. По мокрому лицу сержанта стекала вода. Рука лежала

на рукояти меча.

— Знак ничего не меняет, — сказал он. — Она могла приказывать сообщникам заранее.

— Могла. Как и любой человек, знающий маршрут.

— Мой брат погиб в Серебряной лаборатории.

В его голосе не было ярости. Только усталость, копившаяся дольше сегодняшнего дождя.

— Я его не убивала.

— Вы носите её лицо.

— Поэтому меня удобно ненавидеть. Но удобство не делает версию верной.

Брант шагнул ко мне.

Кайр оказался между нами раньше, чем я успела отступить. Он перехватил запястье сержанта, когда меч вышел из ножен на ладонь.

— Отпустите, командор.

— Уберите оружие.

— Вы защищаете её после всего, что она сделала?

— Я защищаю специалиста, без которого отряд не дошёл бы до вечера.

Кайр говорил ровно. Его пальцы сжимали руку Бранта до побелевших суставов. Между ними не было дружеского предупреждения; командир пресекал нарушение приказа.

Сержант первым отвёл взгляд и убрал меч.

— Она ещё предаст нас.

— Тогда отвечать будет она. За нападение на пленную от-

вечаете вы.

Кайр приказал сдать Бранту оружие до утра и назначил двух солдат следить за ним. Для сержанта это прозвучало хуже ареста. Он молча отстегнул перевязь и передал меч Корду.

Я ждала благодарности от себя и не дождалась. Кайр спас не меня — ресурс экспедиции. Он специально выбрал слова, которые не оставляли места другому толкованию.

И всё же в тот миг, когда Брант шагнул вперёд, Кайр не посмотрел ни на браслет, ни на ловушку. Он смотрел на клинок.

Дождь начал стихать к сумеркам. Проехать дальше до темноты мы не успевали, поэтому лагерь разбили на сухом возвышении за поворотом. Солдаты натянули полотнища между соснами, развели слабые костры и выставили двойную стражу. Металлический ящик Корд перенёс под охрану. Повреждённый спуск остался у дороги, отмеченный кольями и белыми лентами.

Я сидела под навесом, грела ладони о кружку и наблюдала, как вода капает с нижних ветвей. После нескольких часов напряжения усталость пришла сразу, тяжёлая и вязкая. Хотелось лечь на землю и не думать ни о Серис, ни о погибшем Арене, ни о человеке, способном заранее узнать маршрут императорского отряда.

Корд позвал нас, когда окончательно разобрал крышку накопителя.

На внутренней стороне металла находилась вторая пла-

стина. Её установили под личным знаком Серис, закрыв старой рамкой. Сверху она выглядела частью корпуса.

Корд очистил поверхность тканью.

Проявился герб: высокая башня, окружённая семью лучами.

Дарен первым узнал его.

— Архимагистр Орвен Сайр.

Имя ничего мне не говорило. По лицам остальных я поняла, что должно было.

Корд отступил от стола.

— Глава императорских артефакторов. Он создал современную систему защиты Цепи.

Кайр долго смотрел на герб человека, которому, судя по его молчанию, привык доверять.

Под подписью Серис скрывался знак архимагистра Орвена.

Глава 4. Если ты это читаешь

Первый мертвец сидел за столом и держал кружку обеими руками.

Голова его была склонена, глаза закрыты. Поза выглядела настолько обычной, что я несколько секунд ждала движения. Напрасно.

Второй мужчина лежал у печи. Третий застыл возле лестницы, ведущей на верхние уровни башни. Открытых ран я не увидела. Мебель стояла на местах, посуда не разбилась, серый пепел в очаге давно остыл.

Три человека умерли почти одновременно среди привычных дел.

— Никому не входить, — сказала я.

Брант уже поставил сапог на порог. Он остановился, но не из-за моих слов. Кайр удержал его за плечо.

За нашими спинами туман медленно стекал по склону. Башня возвышалась над долиной одиноким тёмным зубом, окружённым жёлтой травой. Утреннее солнце едва пробивалось сквозь облака, и мокрый камень поблёскивал холодным серебром.

Здесь было слишком тихо. Даже лошади остались у дороги и отказывались подходить ближе.

Лагерь мы покинули на рассвете.

После ночного дождя лес пах смолой и влажной землёй. Вода висела на каждой игле, под колёсами хлюпала грязь. Солдаты говорили мало. Вчерашняя ловушка изменила их отношение ко мне ровно настолько, чтобы они перестали желать моей смерти вслух.

Брант держался в хвосте колонны. Он ни разу не посмотрел на мою повозку. Кайр оставил его сержантом, однако поставил рядом двух людей. Наказание выглядело мягким только со стороны: для командира постоянный надзор подчинённых бывает хуже кандалов.

Сам Кайр ехал у левого колеса. Его плащ высох за ночь, мой — нет. Тонкая ткань холодила плечи. Попросить у него ещё одну проявленную заботу я не собиралась.

О знаке Орвена мы больше не говорили. Перед отправлением Кайр запечатал металлическую вставку в походный футляр и передал гонцу. К вечеру улика должна была оказаться в столице.

— Если Орвен виновен, гонец доедет? — спросила я через решётку.

Кайр смотрел на дорогу.

— Письмо получит императорская канцелярия.

— Я спрашивала о человеке.

Он повернул голову. Усталость под глазами стала заметнее после бессонной ночи.

— До столицы две заставы. На каждой сменят коня и отправят копию другим путём.

— Значит, вы всё-таки допускаете, что знак настоящий.

— Допускаю, что кто-то хочет направить подозрение на Орвена.

— А знак Серис вас сразу убедил.

— Серис уже признана виновной судом.

Кайр произнёс имя как приговор и уехал вперёд.

Я смотрела ему вслед. Человек способен заметить подделку, если она затрагивает его наставника, правителя или признанный порядок. Когда подделка подтверждает давнюю боль, сомневаться гораздо труднее.

Возможно, я рассуждала несправедливо. У меня были лишь обрывки чужого дела и собственное желание не отвечать за поступки Серис. Кайр видел двенадцать тел и разрушенную лабораторию. Я видела его ненависть, но ещё не знала доказательств, на которых она выросла.

К полудню лес расступился. Дорога вышла к широкой долине, разрезанной высохшим руслом. На противоположном склоне стояла сигнальная башня. Дарен сообщил, что через неё крепости Цепи обменивались предупреждениями до постройки новых маяков. Последний гарнизон состоял из трёх смотрителей.

Дым над трубой не поднимался.

У ворот валялась связка хвороста. В земле отпечатались следы телеги, размытые дождём. Никакой борьбы, брошенного оружия или спешного бегства.

Чем ближе мы подъезжали, тем беспокойнее становились

лошади. Они прижимали уши и старались уйти в сторону от дороги. Возница моей повозки дважды пускал кнут в ход, пока Кайр не велел остановиться. Дальше отряд пошёл пешком.

Долина выглядела заброшенной задолго до смерти зрителей. По высохшему руслу ветер перекачивал белые стебли, на склонах чернели остатки старых оград. Когда-то возле сигнальной башни стояли дома связистов и конюшни. От них сохранились фундаменты, заросшие травой. Империя построила новые маяки и ушла, оставив троих людей присматривать за механизмом, который считала устаревшим.

На верхушке башни висела решётчатая корзина из потемневшего металла. В ней должен был гореть сигнальный кристалл. Сейчас корзина была пустой и качалась на ветру. Каждый поворот сопровождался тихим скрипом, похожим на далёкий стон.

Дарен развернул карту на плоском камне у дороги. Старый тракт проходил через долину и поднимался к западному перевалу. Другого пути к ущелью не существовало: с юга начинались топи, с севера склон рассекали глубокие овраги.

— Можно обойти башню, — сказал он, показывая пальцем на карте. — Потеряем день, возможно, два.

Кайр посмотрел на тёмные окна.

— Если зрители живы, им нужна помощь. Если мертвы, нужно узнать причину.

Он оставил основную колонну у дороги. Вперёд отправи-

лись разведчики, Корд, Дарен и несколько солдат. Мою клетку открыли последней. Браслет связывал меня с Кайром, поэтому отказаться от прогулки к подозрительно молчаливой башне всё равно не удалось бы.

Мы поднимались по мокрой траве. Ветер охлаждал лицо, сапоги скользили на глине. В окнах не появилось ни одного движения. У входа я заметила три пары следов, ведущих внутрь, и множество более свежих отпечатков наших разведчиков. Обратных следов зрителей не было.

Кайр отправил вперёд двух разведчиков. Они обошли башню и вернулись с докладом: ворота открыты, во дворе пусто. Дарен вошёл первым, затем позвал командора.

Мы нашли зрителей на нижнем этаже.

Я осталась снаружи и осматривала вход.

Дверь была распахнута. Замок цел, на пороге не было крови или следов удара. Изнутри тянуло сыростью, старой золой и сладковатым запахом, который бывает в помещениях с мёртвыми.

Корд стоял рядом, держа перед собой кристалл. Камень оставался прозрачным.

— Активной печати у двери нет, — сказал он.

— Это ничего не говорит об остальной башне.

— Я знаю.

После дорожной ловушки он перестал спорить ради старшинства. Хороший специалист отличается от плохого не от-

сутствием ошибок. Хороший после ошибки меняет поведение.

Кайр вышел на крыльцо.

— Следов нападения нет. Тела холодные. Умерли не сегодня.

— Где Дарен?

— Внутри.

— Выведите его и всех остальных.

Кайр нахмурился.

— Почему?

— Три человека умерли в разных местах. Никто не пытался добраться до выхода. Значит, опасность подействовала быстро или они её не увидели. Мы пока тоже не видим.

В башне раздался скрип ступени.

Голубые линии вспыхнули у меня перед глазами.

Они проходили по стенам и сходились вокруг лестницы. Свет сжался, и на миг башня замерла перед выдохом.

— Не двигаться! — крикнула я.

Скрип прекратился.

Через дверной проём был виден Дарен. Он стоял на третьей ступени винтовой лестницы. Одной рукой держался за перила, другой прижимал к боку футляр с картами.

— Не лучший момент для прогулки? — спросил он.

— Медленно перенесите ногу назад. На ту же ступень, с которой подняли.

Он посмотрел вниз. Под подошвой проступала тонкая бе-

лая полоска.

— У меня нет прежней ступени. Я уже сделал три шага.

Свет вокруг лестницы стягивался к центру. Дверь за спиной Дарена начала закрываться. Кайр шагнул внутрь.

Я схватила его за рукав.

Браслет обжёг запястье, но не сработал.

— Ещё один человек добавит нагрузку.

— Он останется там?

— Если вы войдёте, останемся все.

Кайр посмотрел на мою руку, затем на Дарена. Уступать мне при людях ему явно не нравилось. Терять проводника нравилось меньше.

— Вейл, стойте на месте, — приказал он. — Остальным выйти.

Двое солдат и Брант покинули нижний этаж. Последним вышел Корд, успев оставить у двери свой кристалл. Створка остановилась в нескольких пальцах от косяка, продолжая медленно давить на прозрачный камень.

— Теперь объясняйте, — сказал Кайр.

Я закрыла глаза.

Сеть внутри башни стала яснее. Каждая ступень соединялась с вертикальным контуром в центральной колонне. Три участка уже горели белым. Выше оставались тёмные кольца. Чем дальше поднимался человек, тем больше колец включалось.

— Лестница накапливает силу от шагов. Дверь запирает

помещение. Когда контур заполнится, энергия уйдёт внутрь башни.

— Что она сделает? — спросил Дарен.

Я вспомнила тела. Ни ожогов, ни крови на одежде, ни повреждённой мебели.

— Давление. Вероятно, очень сильное.

Корд опустился у порога и осмотрел белые полосы на ступенях.

— Печать сжатия, — подтвердил он. — Воздух и магия давят со всех сторон. Камень выдерживает. Люди — нет.

Дарен медленно выдохнул.

— Значит, кружка в руке того бедняги была последней спокойной частью дня.

— Не разговаривайте без необходимости, — сказала я. — И не меняйте положение.

— Разговор тоже учитывается?

— Не знаю.

Он закрыл рот.

Редкий случай, когда неизвестность оказалась убедительнее приказа Кайра.

До полного срабатывания оставалось пять ступеней.

Корд определил это по кольцам на центральной колонне. Спустить Дарена назад было нельзя: активированные участки не гасли, а повторное нажатие могло добавить заряд. Разбить окно тоже не получилось бы. Стёкла покрывала та же

печать, что удерживала дверь.

Башня превращалась в герметичный каменный сосуд.

Я обошла её снаружи. Кайр шёл рядом, вынужденный держаться в пределах браслета. Склон за стенами обрывался к руслу. По серой траве пробегали волны ветра. Облака поднялись выше, и на минуту долину залило бледным солнцем.

На северной стороне стены виднелась узкая металлическая дверца на высоте моего плеча. Её почти скрывал плющ. Рядом проходила голубая ветвь от центральной колонны.

— Корд!

Артефактор прибежал с сумкой. Осмотрел дверцу через защитные стёкла.

— Сервисный выход.

— Для чего?

— Смотрители сбрасывали лишнюю силу маяка во время грозы.

— Он связан с лестницей?

— Все контуры башни сходятся в колонне.

Это давало путь. Безопасность пока не давало.

Дверца запиралась тремя вращающимися дисками. На каждом были символы, похожие на раздвоенные молнии. Серис, вероятно, прочитала бы их сразу. Я видела только линии энергии.

— Если открыть, заряд выйдет наружу? — спросил Кайр.

— Или сработает вся башня, — ответил Корд.

— Обнадёживает.

Кайр посмотрел на меня.

— Решение?

Раньше он спрашивал, какую игру я веду. Теперь впервые запросил решение прямо. Доверия в этом ещё не было. Появилось признание пользы, и для третьего дня знакомства оно стоило многого.

Я изучила световую ветвь. Она шла от дверцы вниз, затем раздваивалась: один путь в колонну, второй наружу, к старому каменному жёлобу. Внешняя ветвь оставалась тёмной.

— Нужно переключить поток на жёлоб. Корд, что означают знаки?

Он провёл пальцем над дисками, не касаясь.

— Накопление. Передача. Сброс.

— В каком положении они стоят?

— Накопление.

Понятно, почему лестница продолжала заряжаться. Система ждала зрителя, который вручную переведёт её в безопасный режим. Смотрители, судя по телам, не успели.

— Можно повернуть диски снаружи?

Корд достал стеклянный ключ с тремя зубцами.

— Да. Но каждый неверный поворот добавит кольцо.

Внутри оставалось пять. Цена ошибки была наглядной.

— Поворачивать будете вы, — сказала я Корду. — Я слежу за потоком. После каждого движения останавливаемся.

Кайр снял перчатки и передал их артефактору.

— Зачем? — спросил тот.

— Моя печать удержит браслет, если Серис придётся отойти.

Красная линия связывала меня с правой перчаткой. Кайр сам отошёл на несколько шагов к дверце, но печать осталась рядом. Значит, привязь следовала за знаком конвоира. Его тело значения не имело. Для побега эта информация пока не годилась, зато позволяла не прижиматься к командору во время каждой работы.

Мы начали.

Первый диск повернулся тяжело. В стене заскрежетал металл. Голубая ветвь дрогнула, но осталась на месте.

Второй поворот направил часть света к жёлобу. Из щели пахнуло холодом.

Третий диск не двигался.

Корд нажал сильнее. Стекланный ключ застонал.

— Стойте, — сказала я.

Вокруг замка появилось красное свечение. Диск удерживала отдельная защёлка, уходившая внутрь стены.

— Есть блокировка. Серис оставляла такие на дорожных печатях?

Корд присмотрелся.

— Авторский замок. Его открывает знак мастера.

— Мой?

— Если башню перестраивала Серис.

Снова выбор без достаточных данных. Прикосновение могло открыть выход, добавить заряд или активировать

браслет как запрещённую магию.

Кайр подошёл. Долина отражалась в его глазах серым светом.

— Я разрешаю использовать дар.

— А если браслет не согласится с формулировкой?

Он взял меня за левое запястье. Чёрный металл оказался между его ладонью и моей кожей.

— Тогда я остановлю привязь.

— Успеете?

— Придётся.

Его пальцы были тёплыми. Шрам пересекал ладонь и продолжался под манжетой тонкой белой линией. Кайр смотрел на дверцу, но чувствовал мой пульс. Я — его.

В башне ждал Дарен. Романтическое напряжение снова выбрало крайне рабочую обстановку.

Я положила правую ладонь на знак.

Старые ожоги вспыхнули болью. В голове возникло короткое ощущение узнавания: холодный металл, запах грозы, женские пальцы, поворачивающие этот диск раньше. Воспоминание исчезло, не успев стать картиной.

Авторский замок открылся.

Корд повернул третий диск.

Голубой поток рванулся наружу. Каменный жёлоб загудел, по нему побежал свет. Над долиной вспыхнуло бледное облако и рассеялось без удара.

Внутри башни погасли белые кольца.

Дверь распахнулась.

Дарен вышел первым, прижимая к груди футляры.

— Никогда не сомневался, — сообщил он.

Ноги у него дрожали.

— Именно поэтому молчали последние десять минут? — спросила я.

— Я помогал сосредоточиться.

Кайр отпустил моё запястье. На коже остались светлые следы его пальцев. Браслет не причинил вреда.

— Башню осмотрят после повторной проверки, — сказал он. — По одному человеку.

В голосе вернулась привычная сухость. Только перчатку он забрал не сразу.

Дарен спустился с крыльца и остановился рядом со мной. Обычная улыбка держалась плохо. На виске блестел пот, хотя ветер в долине был холодным.

— Спасибо, — сказал он тихо.

— Вы всё ещё можете расплатиться хорошей картой.

— После сегодняшнего случая ошибки в ней будут считаться попыткой убийства.

— Наконец-то правильное отношение к профессии.

Он коснулся двумя пальцами моей ладони — коротко, без прежней игры — и отошёл к картам. За его спиной стоял Кайр. Командор смотрел на мою руку. Потом приказал Бранту выставить охрану вокруг башни, хотя сержант уже занимался именно этим.

Я решила, что повторение приказов помогает ему справиться с пережитым риском.

Смотрители умерли не из-за лестницы.

После отключения башни Корд разрешил приблизиться к телам. Я не стала изображать врача. На Земле взрывотехники работают рядом с погибшими, но причиной смерти занимаются другие специалисты. Моей задачей было понять механизм события и не позволить ему повториться.

Старший смотритель сидел у журнала дежурств. Перо выпало из пальцев и оставило длинную чернильную полосу. Возле правого уха запеклась кровь, кожа лица приобрела сероватый оттенок. Кружка в руках сохранилась целой. Значит, обычного удара воздуха, способного разбить посуду, здесь не было.

— Печать действует на живое? — спросила я.

Корд провёл кристаллом над телом.

— На внутреннюю силу. Камень, дерево и металл она пропускает.

Второй мужчина умер возле печи, ещё держа полено. Третий успел повернуться к лестнице. Все трое упали или застыли в разных местах, но смотрели в одну сторону — на центральную колонну.

На ней сохранился ряд маленьких кругов. Большинство потемнело от времени. Три блестели, недавно очищенные от пыли.

Корд снял защитные стёкла и долго рассматривал нижний круг.

— Лестница включает кольца по одному. Эти активировали одновременно.

— Снаружи?

— Через сигнальный канал. Кто-то отправил команду с другого маяка.

После гибели зрителей механизм вернули в исходное состояние. Дверь снова открылась, кольца лестницы погасли, а аварийный сброс перевели в режим накопления. Следующих посетителей должна была убить уже обычная последовательность шагов.

Я посмотрела на троих мужчин. Они прожили здесь достаточно долго, чтобы не бояться старой башни. Один грел воду, другой писал отчёт, третий собирался подняться наверх. Их убила система, которую они обслуживали каждый день.

Такие происшествия всегда страшнее случайной поломки. За ними стоит человек, хорошо знающий порядок работы и привычки будущих жертв.

Кайр накрыл тела плащами, принесёнными солдатами. Делал это сам, без показной торжественности. Возле младшего зрителя задержался и поправил ткань, закрывая лицо.

— Вы их знали? — спросила я.

— Видел дважды. Старший служил ещё при моём отце.

Кайр выпрямился. Взгляд прошёл по колонне, лестнице и открытой двери.

— Кто-то очищает дорогу от свидетелей.

И готовит её для нас.

Место выбрали точно. Башня стояла у единственной быстрой дороги к перевалу. Молчание маяка заставило бы Кайра остановиться, тела — войти внутрь, а его привычка лично проверять опасность привела бы на лестницу командора и ближайших людей. Злоумышленник знал маршрут экспедиции и порядок действий её главы.

Он использовал ответственность Кайра как спусковой механизм.

Солдатам приказали вынести тела. Брант руководил, не заходя со мной в одну комнату. Он обращался к людям ровно, выполнял распоряжения и ни разу не позволил злости нарушить работу. После вчерашнего срыва это требовало усилия. Я заметила и запомнила.

На втором этаже нашли журналы дежурств. Последняя запись сообщала о слабом сигнале со стороны первой крепости. Дата стояла трёхдневная. Значит, смерть зрителей и переделка дорожной ловушки произошли примерно в одно время.

Кайр разложил журналы на столе. В узкие окна уже проникал вечерний свет. Долина за ними стала золотисто-серой, над руслом собирался новый туман.

— Кто знал наш маршрут? — спросила я.

— Император, штаб, командиры застав, Орвен, — ответил он. — И вы, если всё подготовили заранее.

— Мы снова вернулись к этому?

— Пока не получили лучшего объяснения.

— Знак Орвена для вас недостаточно хорош.

— Слишком хорош. Его оставили там, где обязаны были найти.

Я могла спорить, но мысль была разумной. Подпись Серис и герб Орвена лежали друг под другом, аккуратно распределяя подозрения. Настоящий виновник либо отличался редкой самоуверенностью, либо сознательно вёл нас по нужному следу.

Дарен поднялся на третий этаж и обнаружил помещение маяка. Там сохранились карты, разбитый сигнальный кристалл и узкая рабочая ниша в стене. Когда я вошла, ожоги на запястьях снова заныли.

В нише лежала чёрная металлическая пластина.

— Корд её проверил, — сказал Дарен. — Магии нет. Надписей тоже.

Он передал пластину мне.

Поверхность была гладкой, холодной. Остальные видели пустой металл. Перед моими глазами по нему побежали серебряные буквы.

Я понимала их без перевода.

«Если ты читаешь это, меня уже нет».

Пальцы сжались сильнее. Голосов в голове не появилось,

чужая память не вернулась. Только короткая фраза от женщины, чьё тело спасло меня от смерти и почти сразу привело на новую казнь.

Ниже проступила вторая строка.

«Не доверяй Арену».

— Что там? — спросил Кайр.

Я подняла глаза.

Его брат считался погибшим. Серис обвиняли в убийстве. Ради этого дела Кайр едва не позволил отрубить мне голову. Но мёртвому человеку не требовалось доверие.

Глава 5. Ущелье спящих мин

— Что там? — повторил Кайр.

Чёрная пластина холодила ладонь. Серебряные буквы не исчезали.

«Если ты читаешь это, меня уже нет».

«Не доверяй Арену».

За узким окном ветер гнал по долине вечерний туман. Он заливал высохшее русло, поднимался к башне и скрывал дорогу, по которой мы пришли. На нижнем этаже солдаты выносили тела зрителей. Сквозь перекрытия доносились шаги и короткие команды Бранта.

Кайр ждал.

Я перевернула пластину. На обратной стороне серебра не было.

— Первая строка: «Если ты читаешь это, меня уже нет».

— И всё?

Врать на прямой вопрос я никогда не любила. В моей прежней работе слишком многое зависело от точного доклада. «Не заметила», «не посчитала важным», «решила сообщить позже» обычно произносили уже после происшествия.

Но Арен считался погибшим. Серис обвиняли в его смерти, а сообщение оставила сама Серис — женщина, которая могла быть предательницей, жертвой или тем и другим сразу. Отдать эту фразу Кайру означало нажать на больное ме-

сто, не понимая, кто и зачем подготовил спуск.

— Больше ничего разборчивого, — сказала я.

Ложь вышла спокойной. Это тревожило сильнее, чем если бы голос дрогнул.

Кайр протянул руку. Я отдала пластину. На металле в его пальцах не появилось ни одной буквы.

— Вы замолчали перед ответом.

— Пыталась понять, почему Серис написала себе послание.

— Поняли?

— Нет.

Это хотя бы было правдой.

Он ещё несколько мгновений смотрел мне в лицо, затем убрал пластину в футляр. Защёлка закрылась с тихим металлическим щелчком.

— На рассвете выходим к ущелью.

Кайр ушёл, оставив меня в тесной комнате с картами, разбитым кристаллом и первым секретом, который я сознательно от него сохранила.

На Земле за такой доклад меня отстранили бы от работы. Здесь отстранение, вероятно, проводили топором.

Ночью ударил мороз.

Утром трава вокруг башни побелела, в лужах затянулись тонкие ледяные корки. Лошади выпускали пар и нервно били копытами. Солнце поднялось над восточным склоном, но

света в долине почти не прибавилось: серые облака лежали так низко, что цеплялись за верхушку маяка.

Погибших смотрителей похоронили возле старой ограды. Кайр прочёл короткую воинскую молитву. Брант поставил над могилами три плоских камня, Корд вырезал на них имена. Отряд простоял молча, пока ветер не занёс свежую землю сухой травой.

После похорон колонна двинулась на запад.

Дорога поднималась между голыми склонами. Лес остался позади, его место заняли можжевельник, колючие кусты и редкие сосны, искривлённые постоянным ветром. К полудню исчезли и они. Впереди сдвигались две тёмные стены, разделённые узкой трещиной.

Ущелье Спящих мин.

Название не располагало к прогулке.

У входа стояли два каменных столба. Верхушки давно обрушились, но на одном сохранилась выцветшая резьба: семь крепостей, соединённых цепью. Под ней шёл ряд круглых углублений. В глубине каждого мерцал слабый красный свет.

Я остановилась в десяти шагах.

— Они действительно спят?

Корд снял перчатку и поднёс ладонь к ближайшему столбу, не касаясь камня.

— Так считалось последние сто двадцать лет.

— Очень обнадёживающая формулировка.

Дарен спрыгнул с коня и достал из тубуса карту. Ветер

сразу потянул плотный лист из его рук. Он прижал края двумя камнями и присел на корточки.

— Есть ещё южная тропа, — сообщил он. — Если умеете ходить по отвесной стене и питаться воздухом. Северный обход займёт восемь дней. Крепость может не ждать.

На старой карте ущелье изображалось чёрной полосой. Вдоль неё тянулись знаки, похожие на крючья, окружённые мелкими точками. Несколько мест были перечёркнуты свежими тёмными чернилами.

— Ваши отметки? — спросила я.

— Нет. Карта из архива западной заставы. Её составляли военные землемеры, когда Цепь ещё обслуживали.

Я наклонилась ниже. Среди геометрических символов повторялся знак Серис: маленькое пламя с рассечённой сердцевинкой. Он стоял возле трёх боковых ниш и у тонкой линии, пересекающей весь проход.

Подушечки пальцев обожгло чужим воспоминанием. Не картинка, не голос — уверенность руки, которая когда-то проводила эти штрихи. Я знала, что линия важна. Почему — тело Серис сообщать не собиралось.

— Она работала с этой картой, — сказал Кайр за моим плечом.

— Или тот, кто пользуется её знаком.

— Почерк её.

— Удивительно, что после суда все научились различать почерк Серис лучше, чем ловушки.

Кайр не ответил. Он смотрел на карту, и ветер прижимал чёрные волосы к его виску. После башни он почти не отходил от меня, хотя браслет позволял расстояние в тридцать шагов. Возможно, подозревал, что на пластине было больше. Возможно, ущелье нравилось ему не сильнее, чем мне.

Дарен провёл ногтем вдоль края листа.

— Вот старая легенда. Круг — накопитель, два зубца — ударный канал. Крючья обозначают боковые излучатели. А это...

Он постучал по трём перечёркнутым местам.

— «Глухие карманы». Так называли участки, куда не доставал общий разряд.

— Почему их перечеркнули?

— Полагаю, перестали быть глухими.

Я посмотрела в проход.

Ущелье было достаточно широким для одной повозки. Каменные стены поднимались на сотни метров, закрывая небо. Между плитами висели старые металлические стержни, зелёные от времени. Землю покрывал мелкий щебень. Никаких заметных механизмов, проводов или привычных признаков опасности.

Зато под камнями медленно двигались красные линии.

Я видела их всё яснее по мере приближения. Они тянулись от столбов в глубину, расходились по стенам и собирались в узлах под дорогой. Большинство едва светилось, некоторые наливались цветом и снова бледнели, реагируя на лю-

дей у входа.

Мины не спали. Они прислушивались.

— Всем отойти на пятьдесят шагов, — сказала я.

Кайр повторил приказ. Люди отвели лошадей и повозки вниз по дороге. Остались мы, Корд и Дарен с картой.

Корд раскрыл походный ящик. Внутри лежали три плоских кристалла в медных рамках.

— Ключи покоя, — объяснил он. — Их вставляли в служебные гнёзда. Один подавляет ближайший участок, второй принимает команду следующего, третий замыкает пройденный отрезок. Потом первый переносят вперёд.

— Гусеница из трёх безопасных шагов.

— Если сеть сохранила старый порядок.

— А если нет?

Корд закрыл ящик.

— Тогда мы узнаем об этом первыми.

В отряде явно росло число людей с моим чувством юмора.

Первое гнездо нашли в левом столбе. Корд вставил ключ. Красные точки на резьбе погасли, но под дорогой свет изменился только на двадцать шагов вперёд. Дальше линии продолжали медленно пульсировать.

Дарен сверился с картой.

— Следующее гнездо в нише на правой стене. Тридцать семь шагов.

— Безопасный участок заканчивается на двадцатом, — сказала я.

— Древние строители доверяли длинным копьям?

На краю карты обнаружилась приписка, почти стёртая сгибом. Дарен долго разбирал угловатые буквы.

— «Проводник ведёт землю. Земля ведёт шаг».

Корд нахмурился.

— Нужен живой заземлитель.

Все посмотрели на Кайра.

Он начал снимать плащ.

— Нет, — сказала я.

— Вы видите линии. Я могу отвести заряд. Другого способа найти нишу у нас нет.

— В прошлый раз ваша магия едва не превратила руку в камень.

— В прошлый раз заряд шёл из всей башни. Здесь я возьму только отклик дороги.

Спорить с человеком, который уже завязывает на себе страховочную верёвку, непродуктивно. Особенно если второй конец этой верёвки Брант молча протягивает тебе.

Сержант работал аккуратно и смотрел исключительно на узлы. После нападения он обращался ко мне только по необходимости. Злость никуда не исчезла; теперь она находилась под контролем. Я уважала контроль больше раскаяния.

Брант закрепил верёвку вокруг моей талии и проверил натяжение.

— Между вами четыре шага, — сказал он Кайру. — Если край уйдёт, не тяните сразу. Ложитесь на землю.

— Вы часто вытаскивали людей из древних минных полей? — спросила я.

— Из горных провалов.

— Почти успокоили.

Он встретился со мной взглядом. В серых глазах мелькнуло невольное раздражение, знакомое и понятное. На секунду передо мной был не брат погибшего охранника, а сержант, которому мешают выполнить работу.

— Постарайтесь вернуться, госпожа Арден, — произнёс он. — Мне запрещено вас убивать.

— Вот теперь я чувствую поддержку отряда.

Кайр первым переступил линию столбов.

Я пошла следом.

Браслет на запястье сразу потеплел. Печать в правой перчатке Кайра оставалась всего в нескольких шагах, поэтому наказание не включилось, однако древняя сеть явно чувствовала другую магию. По чёрному металлу пробежала красная искра и исчезла под застёжкой.

Я невольно подумала, что неизвестный создатель кандалов проявил редкую предусмотрительность. Преступница могла погибнуть от мин, командора, обвала или собственного браслета. Оставалось надеяться, что способы не решат сработать одновременно.

Внутри ущелья ветер почти стих. Холод сохранился, но стал неподвижным и тяжёлым. Сверху изредка падали капли

воды, разбивались о камни и гулко отдавались между стенами. Каждый звук жил дольше, чем должен: шаг, скрежет подошвы, звон пряжки.

Кайр держал правую руку без перчатки. По коже тянулись тёмные прожилки. Пока они доходили только до запястья.

Под его сапогами красные линии отступали, освобождая узкую полосу. За моей спиной снова смыкались. Я выбирала места, где их было меньше, и передавала направление короткими фразами.

— Полшага вправо. Прямо. Камень не трогайте.

— Какой?

Перед нами лежало несколько сотен камней.

— Белый, у левой ноги.

— Это серый.

— В вашей жизни сейчас недостаточно опасностей, чтобы спорить о цвете?

Верёвка между нами слегка дрогнула. Я не видела его лица, но подозревала улыбку. Наверное, недостаток света вредил зрению.

На двадцать первом шаге безопасная полоса сузилась. Красная сеть поднялась из земли на стену, окружая неглубокую нишу. Внутри темнело служебное гнездо.

Добраться до него можно было по выступу шириной с ладонь.

Корд передал второй ключ на длинном ремне. Кайр хотел взять его, однако рядом с нишей линии от его руки вспых-

нули ярче.

— Сеть чувствует вас, — сказала я. — Чем больше отводите, тем сильнее она отвечает.

— Значит, пойдёте вы.

— Наконец-то командование оценило мои способности.

Я прижалась плечом к холодной стене и поставила сапог на выступ. Камень был влажным. Внизу не открывалась бездна — всего лишь провал глубиной в два человеческих роста, заполненный острыми обломками. Это не делало падение привлекательнее.

Кайр отпустил вперёд верёвку. Его сила удерживала красные линии у земли, но прожилки поднялись выше локтя. Он дышал медленно, экономно. Я знала такой ритм: человек старается не показать, сколько усилий тратит.

До ниши оставался один шаг, когда карта Дарена хлопнула на ветру у входа.

— Стойте! — крикнул он. — Там знак обвала!

Под подошвой хрустнул камень.

Стена вздрогнула. Из трещины над головой посыпался щебень. Выступ ушёл вниз целой плитой, и ноги потеряли опору.

Верёвка рванула пояс. Я ударилась коленом о стену, скользнула к провалу и успела схватиться за край ниши. Пальцы сразу начали разжиматься.

Кайр бросился ко мне.

— Не подходите! — выкрикнула я.

Красная сеть под ним вспыхнула.

Он всё равно шагнул на разлом, лёг поперёк дороги и перехватил моё запястье голой рукой.

Мир на мгновение стал синим.

Сила Кайра прошла через кожу холодной волной. Я увидела её течение: от дороги к его ладони, по тёмным прожилкам, через наши сцепленные руки. Такой поток должен был обжечь. Корд предупреждал, что активное заземление не терпит чужого прикосновения. Кайр прежде отталкивал людей, даже когда едва стоял.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.